

ГОРОДСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА
МЕДИЦИНСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

№ _____

Палата _____

КУЛЬТУРНЫЙ ДОМОСЕД (ЭПИКРИС)

Автор: Саша Зори

Философское эссе

Диагноз: _____

Рекомендации: _____

Подпись: _____

18+

Саша Зори

**КУЛЬТУРНЫЙ
ДОМОСЕД (ЭПИКРИС)**

«Автор»

2026

Зори С.

**КУЛЬТУРНЫЙ ДОМОСЕД (ЭПИКРИС) / С. Зори — «Автор»,
2026**

Текст «КУЛЬТУРА» (ЭПИКРИЗ) — философское эссе, написанное в авторском жанре «ноосферного письма». Центральная тема работы — нравственный кризис современного общества, рассматриваемый через оппозицию «естественного» и «искусственного». Автор анализирует причины возникновения общественных меньшинств (в частности, ЛГБТ-сообществ) и трактует их не как внешний феномен, а как закономерный итог «допущений», которые само большинство сделало в отношении тела, привычек и свободы. Текст не является научным исследованием в строгом смысле: это авторская рефлексия, стилистически близкая к философской прозе и манифесту. Содержит полемические формулировки и оценочные суждения по темам сексуальности, морали и культуры.

© Зори С., 2026

© Автор, 2026

Саша Зори

КУЛЬТУРНЫЙ ДОМОСЕД (ЭПИКРИС)

Раздел 1. Введение

Отредактированный текст

«КУЛЬТУРА» (ЭПИКРИЗ)

Введение: «В идее чистого творчества»

Характеристика субъекта, симпатизирующего проявлениям искажения, который находится в пространстве общей морали благодаря собственной уязвимости в общественном самоопределении — субъекта, сформированного псевдоморалью, искажающей образ Бога в Человеке (Творца истины).

Мы имеем дело с искусственным сознанием, с помощью которого объект настраивается на принятие любого суждения, отклоняющегося от сути понятия «чистота». Протестная сентенция «противобога», бросающая вызов обществу, внедряется в материю нравственного каркала через удовольствия, извращённые формы и сенсации, основанные на подмене красоты. Опираясь на идею бунтарства и протеста, она постепенно заменяет ответственность распущенностью, прикрываясь искажённым пониманием свободы, внушаемым уже эго. Субъект доходит до жалкого состояния в своём желании выделиться, порицая общественные истины.

Начав открыто, заняв позицию «противобога», он борется за свободу собственной глупости, нарушая основы мира и навязывая всем свою точку зрения. Он наносит всеобъемлющий урон миру, основой которого служит закон свободы и воли, — и при этом полностью сопричастен построению любой системы, кроме истинной. Навязывая её, он создаёт искажённую социальную форму — извращённое отношение к собственной сущности. Иначе говоря, формируется субъект, образующий меньшинство, основанное лишь на неуважении и агрессии — как протест против всеобщего блага и против создания индивида на основе той системы, против которой это меньшинство существует. То есть — против божественной доктрины самоопределения человека в чистоте его помыслов.

Аннигилируется закон всепричастности тех, кто находится внутри ячейки меньшинства. Они забывают, что есть нечто большее, чем личные желания и слабости. Словно создавая невидимый вакуум беспредельным отрицанием всего, что сам же ежесекундно создаёшь, субъект приходит к тому, что грубейшее отклонение принимается частью общества как формула гордости, достоинства и самоопределения.

Но невозможность подобного проистекает из того, что сам субъект своей слабостью разрушает основы мироздания — ровно так же, как происходит и разрушение самого субъекта.

Портрет субъекта, представляющего систему эгоцентричных ценностей, может выглядеть так: это объект, чьё сопротивление нравственному образованию выходит за рамки личного пространства и проявляется как сопротивление общественному строю. Эпатируя извращением естества, а не самовыражением в нём, он оказывается вплетённым в метафизику гея — как субъект, но не как личность в значении человека (концепция чистого творчества).

Любая идея, связанная с размягчением границ и кажущаяся новой, на самом деле навязана самим закостенелым отношением людей друг к другу. Так нам кажется. Но она не всегда направлена лишь на то, чтобы толкнуть нас ближе друг к другу, растворив окончательно то, что мы вдруг признали предрассудками прошлого. А ведь именно этими предрассудками мы на самом деле защищены — стыдом от нравственного провала, а значит, и от духовной смерти.

Новые определения свободы, формулы которых созданы эго, кричат нам, что общественные устаревшие правила игры не позволяют лучше понять друг друга. В их числе — и искусственная концепция любви, выраженная в извращённой форме сообществом ЛГБТ. Это очевидная попытка ослабить общественную мораль, чтобы субъект стал более открытым. Но такая

открытость — форма, которую пропагандирует данное сообщество, — связана с двумя противоречивыми факторами.

Первый фактор: эта идея открытости заносчива, и в её открытые двери спокойно проходит — точнее, лезет — всё, что попало. Фактически то, что связано с гей-культурой, ничему не сопротивляется внутри субъекта. Моральный кодекс становится настолько размытым и непостижимым, что не на что опереться — невозможно опереться хоть какой-то моралью в осмыслении свободы.

Любое обозначение границ свободы моралью для такого субъекта неприемлемо — поскольку болезненно. Субличность находится под влиянием низшей формы любви — получения удовольствий любой ценой. В итоге это выражается в зависимости и потребности в жалости к себе, замешанной на осознанном удовольствии от нахождения себя в уродливом виде — среди подобных или как существо, заглушающее собственное ничтожество в характере, то есть по рождению.

Вся эмоциональная база данного субъекта колеблется между самообороной и болью от поражения в вечной самоидентификации. Эго подстёгивает страдание, создавая врагов своей свободы, лишь бы не быть уличённым в неправоте — хотя субъект давным-давно (или даже ещё не приблизившись к этому) своим протестом нарушает реально существующие границы морали. Он не даёт себе подойти к тем самым границам, в рамках которых созревает тот, кого можно назвать человеком.

Нетрезвая сущность всегда бежит в мир, где не существует понятия нравственности. Потому что в такой среде она не сможет существовать без претензий к обществу — видя и, главное, находя себя в его отражении. А это значит, что не будет возможности для жалости к себе. Именно эта формула и есть доктрина порождения жестокости у представителей меньшинств.

Проще говоря, отрицание морального кодекса становится для такого субъекта проблемой № 1 на пути к становлению человека — и его зависимостью в смысле самоопределения.

Такая концепция — одна из многочисленных идей, призванных размягчить заостренелые устои, которые сегодня уже не работают, поскольку отброшены в ходе развития идеи свободы.

Возможно, это своего рода формула естествоиспытания — осмысления нового мира для общества в целом, мира, в идее которого заложена полная свобода и возможность выбора. Эту формулу нельзя гнობить или уничтожить одним ударом. Ведь всё неведомое, некогда новое, увлекает и притягивает, суля новые горизонты удовольствий и опыта.

Но и размножать, и поощрять подобное развращение, конечно, нельзя, поскольку в этом нет смысла — так же, как нет смысла менять природу на искусство. Любые проявления, побуждающие субъекта к подобным экспериментам — как в личном, так и в общественном плане, — нужно держать под контролем и искоренять. Но не посредством открытого насилия, а лишь примером иной, подлинной свободы.

При этом не следует морализировать по отношению к тому или иному опыту; важно отдавать себе отчёт в последствиях и понимать, насколько сильно ты искажаешь собственный облик, становясь отражением общественной материи. Ты быстро поймёшь, что предпочёл бы встретиться не с персонажем с картины Пикассо, чья голова словно размозжена кувалдой — в знак возмездия предателю и перебежчику со стороны его бывших товарищей.

На мой взгляд, именно такое сходство демонстрирует деструктивный облик любого открытого представителя обусловленного прайда в метафизическом пространстве — как визуальное воплощение субъекта нового столетия. Его-то портрет, возможно, и писал Пикассо, сам в определённом смысле являясь тем же самым.

И всё же, если твоё восприятие истины достаточно устойчиво и ты отдаёшь себе отчёт в системе извращения, применяемой «противобогом» в отношении любого образа, созданного

Творцом, то, думаю, ты предпочтёшь встречу с персонажем картины эпохи Ренессанса — если стремишься к человеко-божественному образу.

Поэтому альтернативы для подобных проявлений искусственной морали, основанной лишь на лени, протесте и тяге к удовольствиям, не существует. Необходимо искоренить такие открытые проявления, добиваясь, чтобы сама личность не транслировала подобные отклонения, не выдавала их за вольную слабость и не навязывала как норму поведения в общественном понимании нормальности — по крайней мере с точки зрения концепции «противобога».

Предисловие

Текст, который перед тобой, — это отражение давно назревших этических вопросов, тревожащих многих равнодушных людей, наблюдающих за борьбой за права и свободы в обществе, в том числе — за правами нетрадиционных меньшинств.

Вопрос краеугольный с точки зрения жизненной статистики, которая, в свою очередь, не может сложиться с позиции разума без согласия, выраженного всеми группами общества.

Сегодня, как и всегда (с тем лишь отличием, что масштаб явления стал заметнее), речь пойдёт о развитии атмосферы нравственности — и об определении позиции каждого члена общества относительно неё, а также групп, борющихся за право свободно выражать свою позицию.

Нынешняя активность выражает уже не просто борьбу за права или равенство отдельных сообществ, оказавшихся под влиянием воли большинства. Речь скорее о доминировании определённых этических установок, которые современное сообщество выдвигает на первый план — порой в ущерб духовно-нравственному началу. О ситуации, когда у субъекта (и общества в целом) фактически отсутствуют осмысленные отношения с самой категорией нравственности.

При этом вопрос о духовно-нравственном измерении относится ко всем членам общества без исключения и по своей сути не связан с каким-либо частным доминированием. У него есть лишь одно абсолютное свойство: он раскрывает качества Человека — и остаётся значимым для любого времени. Значит, он не принадлежит какой-то одной стороне и не сводится к частной точке зрения. Он может быть представлен как личная позиция, основанная на характере автора и его взгляде на эпоху, но способен стать твёрдой точкой опоры перед любыми тезисами своего времени — потому что изначально не привязан к конкретному времени и потому не склонен искажаться под натиском нового. В этом и состоит его абсолютность.

Прецедент спора — это и есть основа этического начала: он рождается из точки зрения автора и его личных воззрений на затрагиваемые ниже вопросы.

Вся линия раскрытия темы изложена в форме так называемого «ноосферного письма» (авторская категория для обозначения стилистики изложения; грамматика при этом соблюдена).

Замысел работы сформирован в контексте идеи «чистого творчества», которую автор выносит на обсуждение. В рамках этой идеи предпринята попытка проанализировать тему нетрадиционных отношений в современном обществе — в оптике проблемы нравственного упадка, наблюдаемого в широких слоях общества.

Текст по своей природе — попытка осмыслить явление через постановку вопросов, а не через осуждение; в нём нет намерения оскорбить или унижить кого-либо. Учитывая деликатность темы, хочется заранее предостеречь всех, кто может увидеть в этих строках оскорбление в свой адрес.

«Лично я отдаю себе отчёт в том, что абсолютно любой субъект достоин внимания на уровне личности — при условии, что он сам способен к такому вниманию и готов к диалогу не только на поверхностные темы».

Поэтому без какого-либо скрытого умысла я обращаюсь к феноменам «свободы», «любви», «чистоты», «грязи», «ответственности», «морали», «нравственности», «этики» — и

говору не только об их субъективном отражении, но и о том скрытом смысле бытия, который проявляется в сообществе, обществе или меньшинстве: о феномене счастья. Он остаётся равно неосознаваемым вне связи с творческими смыслами, упомянутыми выше.

Размышления о том, что происходит с нами в целом, нередко ведутся с позиции падения мужской нравственности; именно в этой логике рассматриваются те или иные проблемы современного мира.

Автор придерживается следующей точки зрения: всё, что соотносится с реальной действительностью (как в её естественных проявлениях, так и в искажённых), в значительной степени определяется мужским началом. Образ современного общества и сообщества, по мнению автора, в полной мере отражает образ самого мужчины — именно на нём строится картина общества.

Женщина в данной системе рассмотрения не выделяется как самостоятельная сторона, ответственная за вектор нравственного падения; её роль затрагивается лишь косвенно — в связи с темой меньшинств.

Точка зрения на состояние современной культуры (условно — культуры «человека») исходит из того, что мужчина предстаёт скорее как подражатель дел Антагониста в концепции антагонизма, а не как Творец Истины в идее правды. Он — вершитель нравственности либо её проводник, в зависимости от того, чьим ценностям он служит.

Фабула авторской концепции: «Мужчина — первооткрыватель мира». Он выступает медиатором и триггером перемен; на нём лежит ответственность Мужа за общие воззрения в обществе. Именно он становится проводником всего сущего в мораль естества.

Поэтому в работе затронуто положение мужской стороны в контексте вопроса о гомосексуализме. Женщина здесь понимается как зеркало мужчины — отражение его воззрений. Следовательно, любые критические замечания, касающиеся её роли, следует воспринимать как следствие падения мужской нравственности и учитывать лишь для полноты картины тех обстоятельств, которые складываются в обществе в целом.

(Так я мыслю.)

Терпимость

Насколько далеко можно зайти в вопросе о терпимости, если речь идёт о чистоте — физической, духовной, а также о чистоте того или иного акта или действия?

Терпимость — вредный термин, обрекающий нас на претерпевание, или же это инструмент расширения границ познания себя как субъекта общества — за счёт осознанного понимания первопричин феномена, стоящего перед понятием терпимости? Например, того, что можно расценить как манипуляцию моралью со стороны субъекта меньшинства.

Ведь терпимость — это не то же самое, что терпение. Терпимость есть допущение в реальности того, что считается ненормальным с точки зрения нравственных представлений большинства. Иными словами, это отражение самого образа большинства, возникающее в определённый момент времени.

Ненормальность может быть обусловлена формой поведения или проявляться в чём-либо ином — например, как внутренний протест, выраженный в позиции меньшинства относительно того, как большинство удерживает понятие морали и критерии нравственности.

Что такое допущение? Это интереснейший вопрос, поскольку терпимость — инструмент, созданный из допущения и для допущения. Допущение рано или поздно возникает на уровне каждой развивающейся личности в отношении этических норм, выстраиваемых большинством.

Оно служит основой для формирования личных моральных ориентиров у отдельного субъекта. Однако при утрате контроля над этим процессом допущение из личного становится общественным, затем трансформируется в терпимость и в итоге воплощается уже в позиции

субъекта меньшинства. Меньшинство представляет свою точку зрения на такое допущение и требует признать её в качестве нормы морали. Тем самым оно создаёт образ для подражания, который начинает существовать в действительности и претендует на легитимность своего допущения.

Отсюда я делаю вывод: терпимость — это полностью синтетическая концепция, посредством которой антагонист естества отрабатывает идею допущения в реальности. Так создаётся конфликт с естеством большинства, которое в этой ситуации обретает отрицательное значение своих свойств в действительности.

Меньшинство предстаёт как образ, отражающий аморальные качества большинства, — в качестве примера можно привести подобное сообщество.

Терпимость же выступает как индифферентный критерий значимости: она возникает в виде условного инструмента, помогающего осознать любые проявления «нового».

Концептуальная составляющая терпимости в конкретном случае, на мой взгляд, такова: под прикрытием идеи терпимости антагонизм в реальности проявляется как аморальное допущение — через позицию меньшинства, в частности сообщества ЛГБТ. Оно будто стремится расширить значение морали, но, если говорить точнее и честнее, искажает её смысл в понимании естества. Это происходит за счёт тезиса о равенстве и искусственной свободе — и является лишь следствием допущения со стороны большинства.

В данном тексте развивается риторика, раскрывающая происхождение и сам прецедент возникновения подобных сообществ внутри субъекта большинства — вопреки идее его нравственной целостности.

По мнению автора, все возникающие меньшинства, будучи олицетворением допущений в сфере безнравственности, изначально формируются внутри субъекта большинства.

Преамбула

Для рассмотрения предлагается лабораторный эксперимент действительности — в виде формирования «культуры», которая, на мой взгляд, вырастает из жизненных процессов посредством секса. В распушенности, связанной с ним, субъекту большинства приходится претерпевать собственное невежество перед естеством. Именно этот конфликт в становлении такой культуры и служит прецедентом для данного размышления.

Это натуральный антагонистический эксперимент, который проявил в реальности гомосексуализм как данность — и тем самым дал возможность осознанно наблюдать, как это явление воздействует на общество в ходе его развития. Например, можно проследить смещение критерия морали относительно свободы индивида — субъекта большинства.

Описываемый в тексте эксперимент (он же «данность») существует лишь в образной форме, созданной автором. Автор не претендует на буквальную трактовку событий и допускает, что возможна и иная трактовка тех же обозначений.

Задача автора — найти грань допустимого в реальности этого явления с учётом его моральных качеств и специфики времени. Это нужно, чтобы осмыслить феномен такого допущения: определить его корни и понять, насколько целесообразно его присутствие в реальности. Автор стремится отыскать причину возникновения этого феномена, чтобы вернуть понятию свободы в отношениях его истинное значение — в том числе в контексте дружбы.

Для этого за эталон человеческих отношений берётся понятие дружбы в его естественном значении — и всё, что не порочит это значение и укладывается в такое понимание отношений. За естество также принимается актуальное представление о физиологии человеческого тела — с учётом функций и назначения отдельных органов, а также их естественного применения. Так из поведения, связанного с телом и транслируемого в действительность, извлекается основная мораль и нравственная норма.

Интерес к процессу обусловлен феноменом, суть которого — в допущении со стороны субъекта большинства тех явлений, которые имеют разлагающий характер. Эти явления исходят из самой позиции допущения в отношении тела в контексте секса — будь то отношения между представителями разного пола или одного пола.

Механизм обращения к этой теме рождается из идеи, которую автор стремится раскрыть подробнее, — из воззвания о «чистом творчестве». Оно выступает противоположностью понятия «искусство» как институции, которой присуща «характеристика лжи» и которая, следовательно, обладает деструктивным потенциалом по отношению к укреплению морали в обществе.

Сегодня эта институция становится переносчиком и проводником идей антагониста, укореняющихся в этике. Говоря прямо, формируется утопия морально-нравственного общества, действующая как анестетик в споре о возможном. Именно так ложь и воздействует на общество — через извращение возможного. Отдельные проявления этой логики текст затрагивает априори.

Любое противодействие тому, что воспринимается как невозможное, оформляясь в утопию, фактически способствует отклонению от нравственных ориентиров. Протест, выстраиваемый институцией через идиомы прекрасного и через отношение к телу, укрепляет и само явление гомосексуализма — своим творческим пределом, собственной искусственной эстетикой, в которой отсутствует критерий оценки аморального.

При всём критическом отношении к институции искусства предлагается сохранить сам механизм эстетического мышления — как практику умения определять и достигать состояния прекрасного в «предмете искусства». Речь идёт о навыке, об опыте, отработанном институцией на конкретных вещах. Но саму институцию как формирующий феномен культуры следует устранить.

Предлагается перенести свойства этого механизма в контекст идеи «чистого творчества» и «прекратить искусство» — исходя из позиции, что теперь речь идёт о созидательном труде, в котором «прекрасное есть движение к соответствию, совершенное равенство образу». Образ этого движения и этого равенства автор планирует раскрыть позднее.

Уже сейчас можно сформулировать обобщённый тезис к этой идее: отныне лишь «естественная осознанность индивида» выступает как способность отвечать за развитие личности перед самой личностью — с учётом того результата, который даёт этот же инструмент осознанности на уровне общества. Это противопоставляется роли институции, где понятие таланта и судьба нравственной красоты определяются кругом «знатоков».

На чём основывается сама идея смысла «чистого творчества», будет раскрыто ниже.

Объект наблюдения

Появление синтеза «терпимость» в информационном поле говорит о том, что спорный объект уже возник и явлен — а раз так, то он имеет и собственную точку зрения на происхождение допущения. При этом он сотворён не кем-то извне, а самим большинством: вышел из него, но сразу же оформился в меньшинство.

На мой взгляд, такой процесс разобщения основан не на отдельном невежестве отдельных людей, а на общем отношении к значению морали и свободы — на позиции каждого участника жизненного процесса. Синтез терпимости — процесс естественный, как и любое значимое явление: ему требуется время, чтобы проявиться в жизни. По сути, это и есть сама жизнь — в её средствах и свойствах проявления.

Сегодня свойством этой жизни становится претензия к субъекту большинства в связи с его консерватизмом и косностью в трактовке понятий свободы и любви. Это предъявляет большинству своего рода доказательный факт — перед лицом собственного естества и тех допущений, которые оно само сделало. Об этих допущениях речь пойдёт с позиции их искажения.

Явившийся процесс (он же — эксперимент) есть не что иное, как проверка нравственности на прочность: она испытывается через допущение безнравственности каждым элементом общества. На мой взгляд, сегодня этот эксперимент подошёл к завершающей фазе и готов для подведения морального итога. Ведь допущение, постепенно нарастая, начинает требовать терпимости и, переходя в субъект меньшинства, являет в себе всё то, что большинство некогда допустило на личном уровне — испытывая мораль естества в контексте удовольствия либо в споре о границах допустимого. Теперь это позволяет увидеть и осмыслить суть допущения — как возможной или невозможной формы существования.

ЛГБТ-сообщество, по этой логике, просто завершило некогда начатое течение сексуальной революции: оно предстаёт как единое целое с тем процессом, в который включён и сам феномен меньшинств. Аналогичным образом, по восходящей, менялся критерий отношения к употреблению алкоголя, табака и наркотиков — они стали почти нормой для всех представителей сообщества. В той же логике трансформировалось отношение к пище, а значит, и к телу (организму) как главному инструменту отождествления человека с понятием нравственности.

Невероятно, но то, что проявлено как сообщество в идее гомосексуализма, оказывается, по сути, следующим этапом эволюции критерия «свободы» в отношении к пище и телу. Наркотики и секс, выступающие здесь как «орудия сотворения современной естественности», завершили вхождение в финальную фазу извращения свободы. Я считаю это критериями развития нравственной болезни: не переболев ею, противоядие не найти. А оно, на мой взгляд, содержится в новой «художественной» идее «чистого творчества» для каждого «художника» — как прецеденте качественного творческого преображения субъекта. Эта идея выступает антиподом «институции искусства» с её эстетикой, доведённой до искажений и тем самым потворствующей указанным деформациям во всех определениях этики естества.

Хотя весь процесс носит последовательный характер и существует как причинно-следственная цепь, связанная с развитием привычки, в данном тексте затрагивается лишь его крайняя стадия. Здесь рассматривается только финальная форма, которая вытекает из эксперимента с допущением большинства и находит выражение в сообществе меньшинства.

При этом я не хочу ограничиваться простой констатацией фактов: у меня есть намерение предложить вариант разрешения вопроса об искажении нравственности. Оно стало следствием малого допущения в привычке, которое разрослось до феномена меньшинства. По моему мнению, сегодня этот феномен требует завершения своего развития — чтобы мораль естества обрела новые значения в отношениях.

Для качественного завершения этого эксперимента необходимы три критерия, работающие вместе: **осознанность, претерпевание, мораль**. Опираясь на эти три творческих элемента опыта, следует осмысленно проживать каждую секунду — осознавая своё положение в действительности относительно этого эксперимента и стремясь к улучшению свойств нравственности.

Ещё раз подчеркну важный для последующих выводов момент: сам эксперимент берёт начало не в каких-то провокационных инстанциях и не в «плохих» представителях меньшинств. Он рождается в уме и теле каждого «участника сообщества земли», идущего по пути развития привычки, — то есть в каждом из нас: здоровых и больных, добрых и злых, «натуральных» и не очень. Ниже мы попробуем прояснить, каким образом это касается каждого в натуральном выражении.

2020 год представляется идеальным временем для удачного начала — и завершения — экспериментов антагониста. Что значит «удачно»? В моём понимании это означает, что конфликт начнёт разрешаться тогда, когда субъект обратится к «художественному» стремлению к личности через «значение естества» и осознанность. Именно это станет результатом эксперимента с меньшинством, которое предстаёт как миниатюра безнравственных толков о «реальности большинства». Тогда, наконец, можно будет занять истинную позицию в вопросе о сча-

стве. Его значение — основа смысла бытия в текущем времени и пространстве для каждого индивида; оно являет собой Абсолют, свершаемый жизнью.

Развивая принципы естества, возможно, появится первый настоящий проводник новой этики — но уже в расширенной форме понятия любви, свободной от невежества, грязи и насилия с любой стороны. Так сможет проявиться феномен счастья с каждой стороны обозначенного эксперимента. (Возможно!)

Основа определения смысла вовлечённости каждого в процесс «культуризации» исходит из того, что наиболее открытые и чувствительные сущности первыми попадают под влияние негативного фактора общественного невежества: они становятся его жертвой и остаются в этом состоянии до тех пор, пока общество не изменит свой нравственный принцип в поведении субъекта. А значит, пока в невежество вовлекаются незащищённые и наиболее восприимчивые элементы общества, счастье не может быть достигнуто никем и ни для кого в полной мере — пока творится несчастье. Следовательно, есть человеческий материал, ради которого стоит трудиться — ради собственного счастья. Возможно, он наделён более чувствительными свойствами, важными для последующих «настроек» социума. Нынешнее общество не может раскрыть в себе эти свойства, ожесточаясь под влиянием привычки.

Особенно важно учитывать процессы, которые сегодня уже достигают уровня доминирования в общественных правах на искажение — в частности, со стороны представителей ЛГБТ-сообщества. Собственно, это и служит маркером готовности субъекта общества к переменам: он хочет меняться, но не знает, как и за что взяться. Уходя в протест, он подхватывается подобными сообществами.

Что ещё крайне важно понять большинству сегодня (прежде чем действовать в контексте нравственности и этики), так это то, на каких нравственных основаниях, ставящих данное сообщество в отрицание, существует само общество большинства. И только тогда, опираясь на принципы и законы сотворчества большинства, сообщества меньшинств смогут вновь войти в общество, став с ним единым целым. Речь здесь идёт не о потворстве, а об организации общего морально-этического настроя всех категорий общества.

В частности, речь идёт об отдельных привычках каждого — от простых, которые будто бы невинны, но именно с них начинается падение нравственности, до серьёзных, наносящих вред телу, психике и здоровью организма в целом. Искращения действительности формируются через отношение к развитию вредных привычек, которые приводят к реальным последствиям для каждого страдающего существа — пусть даже оно кажется себе невинным.

Дело здесь в собственном устройстве морали и правды каждого такого «невинного» субъекта. Учитывая искажённую систему общественного мышления, построенную на лжи самому себе, любое — и особенно правдивое — действие вызывает сопротивление там, где успели устояться так называемые «новые моральные категории», связанные с критерием лени и её «надстройкой» моральности свободы. Никто не вправе просто запретить что-либо, отняв то, что мы когда-то сами с радостью приняли — у того, кто лишь показал нам уже существующую в нас зависимость от привычки и желаний.

Теперь даже положительное влияние на представление о свободе общего толка (например, связанное со здоровьем) будет восприниматься большинством как стремление к усреднению «норм свободы» через запреты. А меньшинством любая подобная критика будет восприниматься как запрет: они парируют её правом и свободой выбора, а также «естественной потребностью» в том, что ошибочно называют любовью. Всё это, с обеих позиций, является заблуждением и лишь аргументирует точку зрения, согласно которой все прекрасные требования, выстроенные на примерах нравственности и высокой духовности, не имеют ничего общего с реальностью — какими бы аргументами ни обменивались представители разных сторон. Всё в этой полемике предстаёт как ложь.

Здесь уместно заметить, что в отношении реального и правдивого сегодня, по этой логике, «существует» только гомосексуализм — в своём проявлении, натурально, но никак не нравственность, к которой пытается апеллировать большинство. А значит, большинство трактует понятия свободы и любви так же невежественно и грубо, как и меньшинство, не понимая их истинного значения.

На мой взгляд, здесь очевиден казус: у большинства нет своего качественного, реально существующего примера в сегодняшней действительности — такого, который можно было бы предъявить как морально-этический аргумент. Большинство не может выставить личный пример в обыденности, способный опровергнуть любое ненормальное допущение в рамках свободного общества, живущего в осознанности и в согласии с законами естества природы. То поведение со своим телом, которое можно наблюдать повсеместно в большинстве, доказывает сказанное лучше, чем сотни текстов.

Любое соответствие образа подобию и есть основа для претерпевания и для формирования рождающейся категории отношений — источника нравственности. В той же степени и позиция меньшинства законно требует прав как существующий пример общей для себя морали — в том числе в отношении безнравственного обращения с телом. Главенствующее большинство может взять это за основное требование к меньшинству — с позиции грубой безнравственности, к которой оно само не готово подступить, отталкиваясь от здравого смысла. Именно этим большинство сегодня качественно отличается от общего толка, «ворождённого» выше в его безнравственности, — и этим же пользуется, уличая в безнравственности меньшинство. Но при этом не меняя собственных требований на какой-либо качественный рост в себе — что снова искажает суть нравственности.

Получается, что наличие «примера» низкого качества не даёт ни одной из сторон права возводить догму об отсутствии этого примера и лишь доказывает обоснованность проявляемого дурного с обеих сторон. Поскольку ни одна из сторон не обладает качествами, позволяющими создать догму об искоренении некачественного примера в самом себе, она и не владеет значением нравственности — а лишь призывает к ней, прикрывая собственное ничтожество перед тем, о чём пытается говорить.

(Как выйти из этого нравственного тупика, будем придумывать дальше.)

А пока продолжим: собственный образ идеи свободы у меньшинства сформирован на уровне удовольствий, вытекающих из характера поведения в отношении тела. Он представляет тезис обоснования своей свободы и натурально подаёт это искажение как вид любви. Такое положение делает теоретическое разрешение вопроса невозможным. Аргументированное поведение, представляющее своё понятие любви на уровне провокации, будет сохранять силу до тех пор, пока не произойдёт натуральная качественная перемена в большинстве. Без компромиссов со стороны большинства направлены сегодня действия меньшинства: они провоцируют большинство всеми доступными методами, указывая на искажение — и при этом искажаясь в собственном существе.

Отсюда я делаю личное умозаключение: нет никакого внешнего сообщества или насильственной силы, от которой бежит большинство, — есть лишь неестественное, латентное поведение самого общественного субъекта, живущего по двойным стандартам в контексте правды и допущений, связанных с привычкой удовлетворять себя.

Я считаю, что сегодня можно справедливо приравнять к гомосексуализму (в лёгкой степени) курение сигарет, распитие алкоголя, потакание излишествам в еде и прочие наркотические зависимости. В совокупности они образуют такое же искажение по отношению к естеству и морали в обращении с телом — от меньшего к большему. Это можно рассматривать как пропаганду педерастии в самом себе и в каждом, кто зависим хотя бы от одной пагубной привычки. Об этом и хочется сказать далее.

Сегодняшнее «общество» переживает катарсис унижения через разного рода отклонения: зрелый субъект ведёт себя в существе ребёнка. Значит, пора заострять тему не через обвинение кого-то конкретного во лжи и безнравственности, а через выведение на свет самого перекоса — таким, какой он есть. Нужно проявлять все сопутствующие этому отклонению элементы, исходящие из самого субъекта, который допускает даже неприличную брань в присутствии других как норму обращения.

Всё это не является чем-то запредельным или невозможным: оно существует как отражение определённых состояний, возникающих в виде обусловленных реакций — из недовольства собственным пониманием жизни, то есть из необразованности перед ней, из «опущения».

С позиции излагающего мысль это означает: сам факт появления нового значения в отношениях однородных полов на уровне идеологий свободы и любви, транслируемых меньшинством, коренится в искажении поведения субъекта общества. Основой этого искажения служит диссонанс между моралью и действительностью — во всех начальных процессах воспитания. То есть «качественный» пример не способен передавать правдивые сведения о морали и свободе.

В то время как субъект формирует своё отношение к миру вообще и к морали в частности, он руководствуется собственной формой морали, которая рождается не из образования, а из подражательного воспитания — черпаемого где придётся, вне какой-либо нравственной конституции общества. Точнее говоря, по причине полного отсутствия такой конституции. Раз её нет, процесс разложения уже запущен — и не может привести ни к чему иному, кроме смешанного чувства утраченного понятия свободы, которое приходится компенсировать протестом. Неважно, против чего и в какой форме — главное, выразить себя.

Форма этого протеста, поданная как идеология любви, очень удобна: она основана на свободе в удовольствии. Но значение счастья в сопряжении с такой идеологией остаётся непознанным и, по сути, недостижимым феноменом.

Сегодня всё воспитание зависит от скорости достижения действенного результата: что быстрее, без усилий, страха, страдания и ответственности можно достать, потрогать, присвоить — то и становится образцом для подражания. Это и есть то, что понимается как «счастье»: счастье в подражании удовольствиям, доступное каждому. Оно заключено в простоте извращения настоящих свойств счастья, которые рождаются в труде.

Посмотрите хотя бы на то, что делает смартфон в руках малыша, занимая его в то время, когда с ним должны быть родители. Это и есть тот самый немедленный и желанный результат — в форме безучастия.

Искусство

Первым в обойме инструментов распространения идеологии безнравственного отношения к живому находится «искусство» как институция, которая уводит субъект в вымышленный мир, наполненный иллюзиями успеха и независимости перед ответственностью, — возвращая в нём эгоизм. Это был первый шаг к гомосексуализму. Сегодня — уже просто форма определения отношения к живому. Художник от искусства — это тот же гомосексуалист, в полном значении искусственной этики по отношению к жизни.

Если очень просто выразить состояние дел касательно образования в действительности, являющего искусством, то можно резюмировать всё вышесказанное так: «В книжке — одно, в действительности — другое», в смысле натуральной цели существа в созидании. Хотя до того, чтобы и в книжке было то же самое, осталось, по видимости, совсем недолго — учитывая развитие педерастии во все сферы знаний, от «создания мира» до «причастия в науке». Но ведь и правда: так не бывает, когда образ действительности, выраженный «институцией прекрасного» со всеми (не)допустимыми нормами поведения, существует как яркая матрица действительности.

Сама по себе восстающая против естества своей наглядной «свободой», она может быть менее обоснована субъектом как модель поведения в достижении обещанного, чем та нравственная основа, в которой всего этого нет — как и самой основы в проявлении. Именно «искусство» сегодня создаёт сильную дополненную реальность с её ответвлениями и видами для суждения субъектом о понятии «свобода» или «допущение», а также о цели существа в обретении счастья в его искусственном статусе: художника от институции — как пример. Жизнь такого, по мнению самой институции, должна включать в себя все составляющие гедонистического существования.

Но всё может быть преодолено — как и гомосексуализм, разврат и насилие над телом, — поскольку это существует в единственном положении общественного невежества в потреблении, обоснованного миллионы раз похотью перед плотью, значениями искусства. Но только в случае, если будут приняты общие категории нравственности для всего единственного большинства, искоренившего в себе безнравственность субъекта меньшинства, начав с употребления и разврата в потреблении. Станут возможны категории, которые и впредь продолжают проявляться в этом тексте — правда, пока натурально существующие в виде мысли самого автора.

И если, всё же, очистив себя от тяги к дурным привычкам, наполнив «новыми» качествами сами привычки, сможем преодолеть невежество качеством «МЫ», исходящего от знания правды в частном и целом, — сможем вернуть искусству его истинное значение в идее его предназначения. А именно: не как знамени упадка и деградации, а как формы, олицетворяющей развитие души человека, укореняющейся в творце. «Искусство есть побочный маркер хода такого её развития». Так, собственно, повторяю, некогда и воплощалась идея искусства в творце.

Парадокс

Форма общественного меньшинства, исходящая из категорий, постулируемых большинством как недопустимые или даже невозможные, по моему мнению, возникает из неконтролируемого проявления ложного эго конкретного субъекта — как следствие необразованности в контексте нравственности, обретающего форму предрассудков о предназначении и счастье в опыте с «искусством» субъекта большинства.

Постулируя ложные теории о допущении в стиле искусства, тем же большинством воплощается антагонизм естества: транслируя своим произведением в действительность образы возможных допущений собственной эстетикой действительности, существующей натурально только в субъективном поле, — пока не обращается в реальность только что озвученным средством. До этого момента, повторяю, становясь реальным примером допущения в предмете «искусства» большинства, оно оказывается вестником воплощения в действительности отклонений от норм морали. Произведение становится проводником идеи для реализации допущений как форм развития. Вследствие чего само существо субъекта становится таким произведением.

В чём и заключена идея антагониста произведения для такого меньшинства как инструмента познания, в моём понимании: «Выражающее общее невежество перед естеством природы для представления большинству его же форм развития». В этом и состоит невозможность и сам парадокс меньшинства в большинстве, борющегося за то, что большинство считает неприемлемым с точки зрения морали естества.

Новый парадокс — старая обусловленность: допущение принимается условным большинством как феномен, основывающийся на теории от «институции искусства», переходящий в искусственный объект, а затем и в объект реальный, самостоятельно физически проявляющийся. Соответственно, уже сегодня тут будет прав тот, кто докажет нормальность данного положения для большинства, находясь на основании эстетики «институции искусства», используя готовый объект реальности, постулируя всё новой эстетикой. Так рождается ещё одна теория о допущении в морали большинства. В следующем воплощении — уже отправля-

ясь от воспитания субъекта такой эстетикой в формировании субъекта большинства. Что, в моём понимании, невозможно допустить в здравом смысле.

Из чего лично я прихожу к выводу, что возникновение такой «институции как искусство», «на основе искусства» есть строгая провокация естества через формы вовлечения к искусственному самоопределению субъекта — навязанная практикой развития антагонизма, где результат его действия восходит в мораль: «Занятие искусством есть невежество перед жизнью».

Естественно, я дополню: «Допущение основывается самим большинством, поддерживающим своё же искусство как необходимую форму для развития общества», — что ещё раз подтверждает парадокс «легализации невежества в искусстве самим же обществом, „борющимся“ за нравственность». Пытаясь оправдаться перед меньшинством, оно использует его же метод прокламаций об утраченных вещах в их значении и понимании, не говоря уже о свойствах.

Сохраняя «искусство» в значениях наивысшей эстетики, беря за основу не искусство, а слово «искусство», или, сказать честнее, пародию на него в действии, используя метод прокламаций, внедряя который, само большинство и создаёт ту ложь, ведущую к меньшинствам, заслоняясь такой пародией на прекрасное. Тратя огромные средства и энергию на поддержание «институции искусства».

Думаю, исходя из требований институции к её содержанию, уже можно говорить в пользу искусственности в значении ненастоящего: всё искусственное требует больших энергетических затрат для поддержания его свойств в живой природе. Тем более что своим вовлечением ты должен будешь стать зависимым от мнения институции — мнения, которое, в свою очередь, в значении природы бесполезно и быстро погибает без затрат на него. Высвобождая энергию, вернув назад которую, можно быстро определить момент правды: «Главное свойство сегодняшней диалектики там, где сам субъект — индивид — человек, а не то, что каждый пытается волочить за собой сегодня в виде объекта искусственного произведения себя, в принципе».

«Теперь время для творчества означает личное нравственное воспитание». Так запускается переформация социума через себя и каждого «нового художника действительности», вместе с которым ты начинаешь создавать действительность в соответствии с благом каждого.

Но правдой сегодняшнего общественного института в свойстве организации сообщается вот что: «У стремящегося к искусству общества здравого смысла нет нигде — ни у большинства, ни у меньшинства». А значит, есть плодотворная почва для работы сил антагониста, так как сегодня институция и есть эта сила, удерживающая каждого, кто верит в неё как в истинный смысл — значение творчества. С точки зрения которого тут и смотрим на вещи — тем более, где речь идёт о чистом творчестве, переходящем из результата личного наблюдения за своей действительностью, чем, собственно, и является представляющийся перед тобой текст.

А если у всего происходящего есть иной смысл, то он от меня скрыт. И я бы хотел спросить тебя: открой мне его. Только другими сопутствующими средствами примеров относительно счастья в свободе меньшинства и его критериев, опровергающих неестественность нахождения в реальности отдельно от большинства. Но при выведении спорных точек зрения не исключай, пожалуйста, себя из нахождения в связи удовольствий и безнравственных допущений — раз ты художник.

Ну а если всё ок, то в таком случае сам критерий неестественности, а также естественно-сти течения существа в субъекте, на мой взгляд, от искусства до меньшинств в значении нравственного толка уже явлен озвученным выше парадоксом. Пока ты пытаешься вспомнить, о чём шла речь только что, я скажу: «Мы ещё вернёмся к парадоксу закреплённой темы, потому как это не только парадокс, но ещё и закон в парадоксе».

Художник современности

Для такого свобода равна погоне за удовольствиями, которая переходит в смысл жизни субъекта, оставляя после себя только гнев от их нехватки. Оно — ложное — бежит до протеста,

в котором обычно субъект обвиняет кого-то в том, что с ним происходит, не понимая, что это он сам и есть, и всё то, что не может быть приемлемым применительно к нему самому.

Так работает «инфернал пристрастий», привычек каждого, которые не дают понять важный критерий в строении действительности, а уж тем более реальности: именно идею **безопасности**, строящуюся на **воле человека!** Что это значит? Блокируя волю размягчением привычки, страдает качество морали ответственности перед телом — за счёт вовлечения индивида в категорию подражания успеху, который тесно связан с возможностью автоматически допускать целый спектр свойств, подводящих к выходу из естества, приводя подобное искусству через нас самих, находя в нас гения, разрешающего себе многое.

Обычно это формы влияния на организм — от алкоголя, сигарет, наркотиков, секса и анального секса до еды — хотя пища в этом списке первая, но мы рассматриваем не первую стадию вовлечения — как поощрение гениального без воли. Список поощрений огромный, и он развивается подобно течению искусства: «Спектр поощрений за извращение над красотой естества антагонистом восходит аж к духовному, выражаясь подобием религий».

Подобно синтетическим состояниям под веществами, рождающим аллегории на бытие, рассуждения о таланте начинают переходить в искусственный предмет, транслируясь в критерий искусственного таланта, становясь предметом подражания, пропагандируя образ действительной среды с детства — полной неудовлетворения, жалости и жестокости по отношению к каждому, пытающемуся отыскать искусственный талант в себе. Так формируется институция новой эстетики определения красоты, поскольку на большее в созидании мы уже не способны — только на искусство и успех в нём таланта, а значит, мы и есть боги себе.

Мы начинаем подражать искусству, вдумайтесь, — искусству, теряя себя, выстраивая новые социальные отношения — «искажённые новой эстетикой, узурпацией естества талантом». «Новые моральные принципы и правила поведения для связи с миром внедряются в само существо, определяющее суть естества жизни, через медиатор действительности», выбранный институцией художника от искусства, которым стремится показаться большинство сегодня. Да, им действительно является большинство сегодня, пользуясь стратегией, где всяк и каждый стремится познать мир под веществами, проявив такой мир в себе, демонстрируя в образе жизни.

Ответь, пожалуйста: «Хоть кто-нибудь познал мир без веществ?» Никто не скажет, какой он. А если этот кто-то и скажет, то это будет отвратительный рассказ субъекта, лишённого допинга счастья. Найдите мне здорового и здорового субъекта от искусства, и это будет достойный памятник мятежнику антагонизма.

При том такой — каждый, берущий побочный эффект своего творчества за основу стремления к значению «художник» от действительного; своим искажённым до боли сознанием мнит себя художником — статусом, на самом деле существующим в критерии «жёсткого его определения»! В реальности же такой работает за гранью добра и зла, в чётком союзе с совестью, что грозит смертью души, если образует повод для уличения его во лжи. Но этого не понимают сегодня новоиспечённые «альтернативщики действительности», почитая всё просто забавой ради хайпа и успеха. Во что, собственно, и превратился в своём значении «художник», теперь распыляющий невежество своим уродством привычки, не понимая сам приведённого значения для себя.

Такие и подобные процессы становления в целеполагании личности также нуждаются в переосмыслении, для чего и проявляется идея о «чистом творчестве».

Тварь

Вот вам и тварь в творении искусственностью!

Как же воплощается ложная культура? Дверью в действительность для неё становится искусственность со своей «разряженной средой», абсолютно дублирующей эстетику в действительности искусственным существом субъекта, самой искусственностью большинства. «Для

сущности же, входящей под действие такой эстетики, всё можно объяснить гендерной неустойчивостью, видимо, переходящей во „взрослое состояние“ на фоне травмы, нанесённой пропагандой извращений и жестокостью искусственного большинства».

Противоречие, подобное этому, рождается потому, что такое состояние качества индивида в воззрениях на мораль естества не считается социумом как репер для преодоления данного искажения, а просто переводится в область болезни, отклонений или же научно обосновывается как феномен организации новых образований от природы, вырастающих в «этическую конституцию допущений». Так оно и есть, правда, без указания авторства.

Целое поколение, выведенное сегодня искусственно, впадает в зависимость от мысли пропаганды, что оно есть такое, какое есть с рождения, и в этом нет ничьей вины, — что и есть ложь большинства перед ответственностью. Никто не хочет разбираться на уровне воспитания: «институция искусства» становится воспитателем, а потому лучше спросить по факту, унизив того, кого породил, ища в предмете искусства талант и не находя в нём саму личность.

Убийство личности искусственностью происходит зарождением в ней протеста против собственной бесталанности — неосознанности в том, что каждый знает, как жизнь. Субъект, одинокий с рождения, просит защиты в дружбе там, где возможно: например, придумывает реализоваться посредством «искусства». Пытаясь, а порой и становясь таковым, просто назвав себя «художником», позволяя себе в действительности натурально апеллировать к значению «художник» через гомосексуальный образ: так сказать, «в художественной среде быть геем вполне нормально», и это уже почти его успех — «стать нормальным».

Так институция готова защищать любые отклонения, приписывая им натуральность, как бы пародируя саму природу, создавая что-то своё, пока не нанесёт последний удар ложью успеха со стороны того, к кому направлен дружеский жест во спасение, не имеющего своего мнения относительно «таланта». При этом любое определение в искусстве с ним и в нём сегодня на уровне личности, независимо от наклона самого определения, равно в своём значении страданию. Что уже неплохо, если страдать пришлось бы для самой жизни, выстраиваясь аспектом её школы созидания. Но, к сожалению, то, что имеем, — не совсем одно и то же в своих натуральных свойствах.

Это значит, мы говорим о том аспекте, где чьё-либо мнение относительно жизни совершенно обречено, в отличие от важного значения искусственного как способности личности к жизни. Жизни, которая игнорируется значением успеха талантом, предвкусывающего своё мнение в действительности о самой жизни, но не получающего этого мнения в контексте счастья. Теперь, испорченный ложью о возможности своего проявления успехом в идее искусства, субъект считает любое проявление в нём предлогом для мерзости на уровне недостигнутого обещанным успехом.

«Исход мнения искусственного большинства: успех как счастье в искусстве достичь невозможно ни при каких обстоятельствах». Страдает личность и переходит на «тёмную сторону», происходит совращение. Как и предыдущее, следующее заключение выводится мнением настоящего наблюдения: обращение субъекта искусством, теперь искажающего всё ради успеха, следует из того наблюдения, где всё успешное сегодня априори в таком определении значения «счастье». То есть ничто другое стать успешным не может сегодня, кроме пошлого.

Собственно, успешность и известность в контексте славы — диаметрально разные вещи, как антагонист и протагонист для нашего с тобой понимания. Обладать успехом в средстве таланта хочет практически каждый субъект современности. Соответственно, процент того, что делается, разнося «нашу с тобой культуру», намного выше того процента, который действительно её питает, — и регламентируется успехом в данной области за счёт искажения нравственности перед естеством. Что и есть формула успеха в искусстве сегодня.

Появляется сущность униженная, талантливая, но безучастная к жизни, — полностью выведенная искусственно «обществом» для потехи на его время. Из чего я делаю заключение:

«О недопустимости распространения значения „талант“ с целью воспитания для обретения каких-либо социальных категорий как признака достижения или подражания через критерий успешности в искусстве».

Применяя категорию действия успехом на основе таланта, совращая субъекта таким методом от его личного развития, ожесточая его перед значением красоты. Есть наблюдение подмены понятий об «успехе» в жизни и свершении её в славе как формы высшего проявления способности в творчестве, подменяя талантом в искусстве. Что абсолютно неверно с точки зрения значения творчества жизни, в котором нет критерия, уравнивающего его с понятием «успех» или «талант».

Такая утрированная трактовка значения — искусство = творчество — сегодня в массе есть механизм извращения понятия способности, урезающий способность каждого в творчестве жизни понятием «талант». Что и являет корень приведённого выше действующего извращения.

Ещё один элемент, меняющий отношение к образованности перед жизнью, — нюанс необразованности сегодняшнего поколения, воспитанного эволюцией-революцией антагонизма перед природой и её возможностями, заложенными для каждого, а также перед пониманием наблюдений, свойств пространства, чьи категории решены природой в частности каждого и коррелируются значением сотворения жизни сотворчеством в осознанности. Что, в сущности, значит: абсолютно для каждого в равной степени, независимо от обстоятельств, иметь возможность достижения счастья на любом из этапов восхождения к личности человека.

Повторю: смысл сказанного кроется в настоящих законах всепричинности и всеследствия, являющихся равными по своим значениям для определения качества творчества каждого в его восхождении как личности. Так как жизнь уже сотворена, её нужно научиться проявить в себе; для этого и есть инструмент, называемый творчеством, — предмет практики жизни. Определение его «искусством» есть невежество уровня, достающего только до педерастического общества, где с детства всё воспитание строится на отсылке к ничему не значащему в действительности авторитету, указывающему на предмет, не выраженный ничем натурально в действительности и самой реальности, кроме как авторитетом мнения «институции искусства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.